

Взгляд на истинное достоинство писателя

Литературная критика 1800--1820-х годов. / Составитель, примеч. и подготовка текста Л. Г. Фризмана. -- М.: "Художественная литература", 1980.

OCR Бычков М. Н.

Ouvrez tous les livres dignes d'être lus, vous trouverez que la littérature est un recueil d'hymnes à la vertu.

Bouffiers {}*

{* Откройте все книги, которые достойны быть прочитанными, и вы найдете, что литература представляет собой сборник гимнов Добродетели. Буфлер (*фр.*)-- *Ред.*¹.}

Награда талантов -- слава; цена их в заслугах обществу. С его пользою неразлучна польза авторского искусства. Автор имеет в *гражданском* порядке свое достоинство и свои обязанности. Воин защищает государство; судия охраняет законы; церковный пастырь служит пред алтарями веры; многочисленный народ упражняется в земледелии, в промышленности, в торговле; писатель трудится для успехов просвещения. Может быть, злоупотребление сего последнего слова в наши дни требует нового определения. Оно не входит в пределы сего краткого опыта. Заметим только, что без отношения к нравственным обязанностям нет здравого просвещения. Если достойно мыслящего человека исследовать науку природы и тайну вещей, то сколько достойнее существа нравственного утвердить основание общего порядка, добра и счастья. Вот прекрасная, но отдаленная цель, к которой медленно идут народы одни за другими и к которой приближают их только опыты мудрого разума! Великие писатели в руках провидения суть орудия его благой воли. Счастлив тот, кто принял вдохновение неба и не изменил святости таланта!

Какое же достойное употребление сего таланта? Ближайшее ко благу человечества. Человечество говорит писателю: "Мне принадлежит твое искусство. Для меня наделила тебя природа умом и красноречием. Пиши уставы мудрости, говори истину народам и царям, распространяй на земле царство добродетели. Порочный да читает тебя с беспокойством, злодей -- с угрызением совести, а добродетельный с приятным умилением в сердце". Писатель, достойный внимать сему голосу, следует ему со всею ревностью благородного сердца, преданного пользе человечества; но язык и чувство истины не увлекут за пределы умеренности писателя истинно просвещенного. Конечно, тот, которого вопрошает как мудреца род человеческий, вопрошал в свою очередь летописи сердца природы -- и они отвечали ему голосом убедительной опытности, что истина, пред слабым очами смертного, должна нечувствительно разливать свой чистый, но яркий свет, подобно восходящему на востоке солнцу, которого она есть образ в нравственном мире. Что убедительнее, что святее христианского учения? Но и его истины восторжествовали только со временем и особенно в наше время, славное их быстрыми успехами. Итак, дело писателя быть верным другом истины, но осторожным путеводителем рассудка.

Если наука просветила человека в особенности, то просвещение человеческого рода вообще должно быть некогда ее творением. Великие перемены государственные отсрочивают сию важную эпоху, а не останавливают постепенного хода разума, не мешают ему подвигаться вперед на пути науки и образования. Ныне после грозных бурь, нанесенных разрушительным духом времени, видим новую, чистейшую зарю, восходящую в Европе; видим в политике отмененную свободу народов и защищенные права человека; в философии гордую мудрость земную, примиренную с кроткой верой небесной; наконец, в государственных договорах священный союз царей, заключенный в пользу общей безопасности и общего достоинства народов. О, если бы из всех пределов земного мира могли соединиться труды умов государственных и умов ученых! Если бы общие усилия человеческие могли некогда привести в совершенство науку гражданского счастья! Какое зрелище представилось бы тогда